

Вырезка из газеты

БАКУ  
(вечерний выпуск)  
г. Баку

23 НОЯ 1984

## \* Интервью по просьбе читателя

**«Дорогая редакция! Посмотрела фильм «Чучело» — такие фильмы еще очень редки в нашем кинематографе. Хотелось бы подробнее узнать о позиции режиссера: что заставило его сделать фильм таким жестоким? Ири́на ДЖАВАДОВА, ученица 9-го класса».**

«Спасибо за правду. Вы не умолчали ее, не округлили. Она сказана вся. С глубокой искренностью». «Да, мы увидели нашу жестокость. Но, если в людях просыпается звериное, то ведь нужно обратиться на это внимание всех. Такие инстинкты надо обуздать. Спасибо, что Вы показали явление крупным планом» — это мнения многих и многих школьников, которые сегодня адресованы Ролану Быкову.

Этот разговор — о полюсах добра и зла в детской душе, о воспитании человека, способного избрать добро и правду как жизненную позицию и этическую норму, о духовности, без которой невозможно воспитание нового человека, — этот разговор продолжается сегодня после каждого просмотра. Мой собеседник, режиссер Ролан Быков еще не остыл от этих обсуждений, от споров о проблемах школы, столь серьезно высвеченных фильмом. Вот почему наш диалог стал, по существу, монологом режиссера:

— Сегодня мы все острее понимаем: человечество будет таким, какими мы вырастим наших детей. Как множить наше духовное богатство? Как учить детей добру, великодушию, интеллигентности — этим высочайшим свойствам души? Разными путями. И в том числе — показывая им нравственные образцы. Идеалы. Лена Бессольцева и ее дед — действительно нравственные эталоны. Их стиль поведения — камертон, звучащий чисто и ясно.

Героям фильма не случайно по 12—13 лет. Возраст ведь самый сложный. К тому же именно в пятом — шестом классах идет «разбор портфелей», выбор лидера, а, значит, происходит ориентация на ценности. Как важно, чтобы выбор был точен?

Все как будто хорошо в школе, где учится Лена по прозвищу «Чучело». В классе красивый, современный интерьер, дети поют в хоре ангельскими голосами, в

колхозе работают, в Москву их автобусом возят. И директриса, довольная успехами школы, каждое утро у входа улыбается ребятам: «Здравствуйте!» И молодой учительнице кажется, что у нее с ребятами полное взаимопонимание. И никому из взрослых неведомо, что в классе-то трагедия!

к великой беде, взрослые словно согласились с этим. Сговорились считать: ну, это «детские проблемы». И не вмешиваются. «Ты здоров? Уроки выучил? И хорошо! Поел? С Петей, говоришь, подрался? Так надо было ему врезать!» или: «Что ты, что ты, нельзя детям драться». Но в душу-то детскую не заглядывают! Нет отношения к детским делам, и конфликтам, и боли, как к серьезным. «Знаешь, с кем я пошла в кино?» — спрашивает девочка маму. — «Бог

изменились. Да, мой «Айболит» был комическим фантазией на тему мещанина. Конфликт Бармалея и Айболита — столкновение ничтожества и личности, мещанина и личности. Бармалей мучился, все приставал к Айболиту с вопросом: чем ты лучше меня? Чем? Он у Айболита кодрабль забрал, ограбил его, в море выбросил — и все-таки пристаёт: не может примириться с существованием личности, как иного, неведомого ему измерения. Сегодня Бармалей далеко

вание, вся система воспитания переживают особый период. Реформе школы предстоит осуществлять не одним учителям — всем общественным институтам. Искусству — тоже. Наступило время вскрывать «капсулу детства». Вмешиваться в самые начала формирования гражданина ответственности. И меня радуют просмотры нашего фильма с участием учительской аудитории, комсомольского актива, старшеклассников.

Я далек от мысли, что завтра школьники увидят ленту, обменяются мнениями, — и в классах воцарится одна добродетель. У искусства свои задачи. Писатель Юрий Крымов записал однажды в дневнике, что литературе не дано помочь каждому человеку в отдельности. Произведение может создать только климат. Но ведь общая атмосфера, климат в духовном формировании так важны!

Если быть откровенным, то надо признать: почти всех нас касается своей черной лапой обывательщина. В той или иной мере почти все мы «болеем» этой болезнью духа. Пусть временами. Но разве дети этого не замечают? Всегда ли мы находим силы воспротивиться захлывающему вещизму, готовности к компромиссу и еще многому другому?

При всех ухищрениях педагогической науки, при всем педагогическом опыте школа (и семья, и театр, и кинематограф) воспитывают в первую очередь не тем, какую сильную и новую методику применяет, а тем, какова она сама: нет ли разрыва между словом и делом? Не призывают ли учителя и родители к одному стилю поведения, а сами строят жизнь по другим законам?

Нельзя уповать на то, что нам преподнесут готовые рецепты. Как много надежд возлагаю я на личные усилия каждого! Учителя. Матери. Писателя. Актера. Наконец, самого ребенка. В малом человеке надо крепить волю к добру, потому что мир непрост и за идеалы придется сражаться!

Записала  
Л. АКОПОВА.  
МОСКВА.

## РОЛАН БЫКОВ:

# «О Ж О Г И ВРАЧУЮТ ДУШУ»

Посмотрите, что тут происходит. У одного мальчика, Вальки, репутация живодера. Отлавливает собак и сдает их за рубль на бойню. Другой, Дима Сомов, хоть и почитается храбрым лидером, на деле — трус и предатель. Только вчера он рыцарски снимал с себя сапоги, чтобы Лена их надела, не замерзла. А сегодня он соглашается с тем, что она берет на себя его вину. И нет у него сил признаться в этом классе. И вот уже он наблюдает, как над ней издеваются, вот уже сам подкладывает дров в костер: пусть ярче горит пламя, охватившее чучело в ее платье.

Что объединяет подростков? Все дело в том, что ребят объединяет злоба. Дружбы нет в этом коллективе! О чести и достоинстве — самые искаженные понятия. Какая уж тут дружба, честь, милосердие, если травят девочку — и никто не заступится. Даже Дима, которого Лена любит самоотверженной любовью.

Обо всем этом взрослые не ведают. Их мир и мир детей разграничены. Есть у ребят область взаимоотношений, в которую они не пускают взрослых. Это, дескать, наши внутренние дела. Капсула такая! И,

ты мой, с Катей или с Клавой — не все ли равно?» А дочка ведь плачет. Не пошла Катя с ней, предпочла Клаву. Подруга предала! А нам, взрослым, это несерьезно.

Мы промахиваем на высоких скоростях мимо подлинных больших страстей. Тут-то и кроется сфера духовного, тут бы остановиться, объяснить, что есть трусость и обман, а что просто-душие. Что искренность, а что хамство, что поддержка и милосердие, а что подножка. Нет, бежим. Зона отчуждения проходит через души. Вот об этом — наш фильм.

И в этой печальной ситуации учителям есть над чем подумать. В колокола бить надо! А директор все приветствует ребят у входа самодовольной, благостной улыбкой. Узел событий закручивается все туже — улыбка неизменно безмятежна.

Когда мы делаем вид, что у нас все в порядке, мы этически бестактны по отношению к детям, мы воспитываем лгунов и фальшивых людей.

Меня часто спрашивают в эти дни, почему вдруг я создал драматический фильм после стольких комедий? Не жанровые пристрастия

не всегда мучается вопросом: чем он хуже? Сегодня он зачастую воинственно убежден, что лучше личности. Сильнее личности. Такая расстановка сил куда драматичней! Жизнь подсказала мне новый жанр.

Мне нужно, чтобы фильм бил тревогу. Чтобы зритель получил ожог, увидев суровую правду. Абсолютно убежден, что и ожого воспытают. И слезы, и трагедия очищают. Наверное, от непривычности уровня откровенности «Чучела» у зрителя возникает некий шок. И все-таки уверен: он нужен.

Детская жестокость — трезвая реальность. Так же, как то, что некоторые ребята заражены мещанской психологией. Вспомните жизненное кредо одного из героев фильма: «Все люди, завидующие, только один это честно говорит, а другие делают вид, что они не завистливые». Так вот, если дети, пусть часть их, так думают, если таковы их этические нормы, то необходимо эти явления показывать. Привлекать к ним общественное внимание. Я разговаривал со многими ребятами. Они-то режиссерского «перебора» или «пережима» в фактах травли не видят. Сегодня наше образо-